

ЛИНГВИСТИКА

Непрямая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса

© кандидат филологических наук М.М. Филиппова, 2004

В данной статье ставится задача рассмотреть правомерность противопоставления прямой и не прямой коммуникации. Читая работы, посвященные имплицитности, импликациям, косвенным речевым актам, речевым импликациям и т.п., трудно усомниться в том, что понятие не прямой коммуникации – это очень полезное и удобное обобщенное понятие как для теоретических изысканий, так и для практического анализа речи. Однако представляется, что лингвисты совершенно справедливо призывают к тому, чтобы сначала прояснить понятие коммуникации. Конечно, оно чрезвычайно популярно в настоящий момент. См., напр., [Анисимова 2003], [Лаундес 2002], [Любимов 2002], [Персикова 2002], [Тимашева 2004], [Шарков 2003]. Можно даже сказать, что оно имеет статус модного понятия – будучи иностранным словом, для среднего носителя русского языка оно звучит несколько экзотично и гораздо более научнообразно, чем слово “общение”. При этом оно довольно неопределенно, а значение его несколько размыто, по-видимому, именно из-за популярности и широкого употребления в самых различных сферах. “В технике связи, например, под коммуникацией понимается процесс кодирования и передачи сообщения от источника информации к ее получателю. В обиходе этим словом иногда называют совокупность средств, предназначенных для транспортировки чего-либо (трубопроводы, канализация, транспорт, телефонные сети и т.п.). Часто этим же словом называют и процесс обмена сообщениями, мыслями, знаниями между людьми. В этом смысле коммуникация понимается как вид человеческой деятельности, аналогичный деятельности общения” [Агеев 2002, раздел “Общение и коммуникативная деятельность человека”].

В этой связи можно отметить, что в вузах появилась новая специальность “Лингвистика и межкультурная коммуникация” – во многих институтах и на факультетах иностранных языков студентов обучают специальности “межкультурная коммуникация” (ср., напр., название “факультет иностранных языков и международной коммуникации” в некоторых университетах). Бросается в глаза также и тот факт, что в последнее десятилетие активно развивалось все лексическое гнездо слов

с этим корнем: наряду со словами “коммуникация”, “коммуникативный” употребляются и “коммуникант”, и “коммуникатор”, и “коммуникационный”, глагол “коммуницировать”, существительное “коммуницируемость”, появилась новая наука коммуникативистика, поэтому, наверное, можно говорить о коммуникативистских (коммуникативистических?) подходах к решению проблем. Авторы, пишущие об этой проблематике, подчеркивают разный смысл паронимов “коммуникативный” и “коммуникационный”, “коммуникант” и “коммуникатор”, что свидетельствует о стремлении упорядочить лексику, относящуюся к этой проблематике. Например, в одном только пособии под названием “Очерк американского коммуникативного поведения” можно встретить следующие словосочетания со словом “коммуникативный”: ~ культура, ~ нормы, ~ традиции, ~ шок, вербальное/ невербальное ~ поведение, возрастное ~ поведение, личностное ~ поведение, ~ сознание, стандартная ~ ситуация, ~ категории, ~ сфера, ~ действие, параметр ~ поведения, ~ признак, ~ факт, ~ фактор, активные/ реактивные ~ действия, ~ стратегия, аспект ~ поведения, ~ мышление, продуктивное/ рецептивное/ реактивное/ нормативное/ ненормативное ~ поведение, ~ табу (жесткие и мягкие), ~ императивы, ~ допущения и т.п. [Очерк... 2001].

Однако следует признать, хоть это и прискорбно, что зачастую вышеупомянутые выражения “межкультурная коммуникация”, “международная коммуникация” в названиях учебных заведений подразумевают не намного больше, чем просто традиционное изучение иностранного языка, которое всегда по необходимости (можно даже сказать “по определению”) сопровождалось изучением некоторых страноведческих и культурологических аспектов его функционирования. “Филологические дисциплины по своей онтологической сущности предполагают культуроведческий аспект как неперенный органический компонент методологической и операционно-исследовательской базы в обосновании предмета изучения, в описании категориального аппарата (в его системности), в освещении и анализе теоретических, исследовательских, научно-практических проблем и задач каждой из отраслей филологической науки. Это обусловлено последовательной антропоцентрической направленностью филологии как системы наук, имеющих своей целью осознание действительности... в сопряжении с человеком в его повседневном, историческом и духовно-нравственном бытии.” [Бельчиков 1998]. Смысл данной цитаты не в том, чтобы утверждать, что традиционного филологического освещения культурологических аспектов изучаемого языка достаточно, чтобы выработать у изучающих этот язык достаточную компетенцию в межкультурном общении, а в том, чтобы отметить преемственность между, скажем, традиционными социокультурными и культурно-историческими аспектами филологических дис-

циплин и столь популярной и востребованной сегодня дисциплиной “межкультурная коммуникация”.

И все же, складывается такое впечатление, что во многих контекстах своего употребления слово “коммуникация” используется скорее в рекламных целях, чем для того, чтобы точно отразить содержание образования, которое дается студентам в том или ином учебном заведении. Однако названия такого рода заставляют задуматься над потребностями настоящего момента как в жизни нашей страны, так и международного сообщества, ибо они отражают стремительно меняющиеся реалии сегодняшнего дня: интенсивно происходит глобализация экономической, политической, интеллектуальной и прочих видов общественной жизни, усиливаются контакты между разными странами и народами. Глобализация проникает и в повседневную бытовую сферу, где используются новейшие достижения информационных технологий: наступила эра персональных компьютеров, интернета, массового видео; повседневной реальностью стали интернет-кафе и компьютерные клубы; невиданно распространились глобальные компьютерные сети и многочисленные www-услуги; в результате феноменально простым стало международное общение через интернет – возможность связаться со своими родственниками, близкими, друзьями по электронной почте стала делом секунд; повседневное общение в чатах также позволяет общаться между собой людям из самых различных уголков земного шара и т.п.

Можно говорить о коммуникации языковой и речевой, вербальной (словесной) и невербальной; визуальной и тактильной (в некоторых работах говорят даже об обонятельной (olfactory) коммуникации), коммуникации при помощи жестов, мимики; коммуникации при помощи различных сигнальных систем (азбука Морзе, азбука Брайля...). “Коммуникация может осуществляться средствами вторичных семиотических систем (“языки наук”, музыкальная нотация, правила игр, азбука Морзе, языки программирования в диалоге с ЭВМ) или же средствами “первичных языков” (пантомима, система жестов)” [И.Н. Горелов 1990]. И.Н. Горелов заключает свою статью тем, что констатирует: нельзя игнорировать включенность любого коммуникативного акта в совместную деятельность (ибо в результате такого редуционистского подхода речевая деятельность начинает представляться самодовлеющей), как нельзя игнорировать и все существенные составляющие коммуникации, влияющие на выбор конкретных средств “кода”, на порождение самой “информации” и на способы и результаты ее интерпретации, на процесс коллективной деятельности и на функции когнитивных структур.

Ученые, занимающиеся семиотикой, делят знаковые системы на разные (живопись, музыка, танцы, мимика, жесты...), натуральные (коллекции минералов, следы зверей, звездное небо и т.д.) и конвенцио-

нальные, которые, в свою очередь, делятся на естественные языки (для них характерна устная и письменная речь), формальные языки (алгоритмические, информационные, специализированные (математика, логика, химия), искусственные (эсперанто, волапюк и др.)) и системы записи (нотная запись, формулы, шахматная нотация и т.д.). Поскольку знаковые системы существуют для передачи смыслов, важного для людей содержания, постольку все эти разнообразные системы опять-таки являются средством коммуникации.

Интересной работой о современной коммуникативной парадигме является [Мальковская 2004], в которой дан глубокий анализ особенностей коммуникации в современный период. Обсуждая переход к информационному обществу и подчеркнув, что этот переход был связан прежде всего с изменениями в кодировании информации, автор сочувственно цитирует М. Кастельса, который отмечает, что современная культура, как набор принимаемых на веру ценностей и норм, оказалась “захваченной электронным гипертекстом, который комбинирует, артикулирует и выражает смыслы в виде аудиовизуальной мозаики, способной к расширению или сжатию, обобщению или спецификации в зависимости от аудитории. Электронная среда более не сводится к посланию сообщений. Сообщение есть раскодировка среды, поскольку медиасистема настолько гибка, что адаптирована для послания любого сообщения любой аудитории. Соответственно послание структурирует среду” [Кастельс 1999].

И действительно, в современных средствах коммуникации, таких, как телевидение, компьютерные сети, системы мультимедиа, несложно усмотреть одно общее свойство: все они позволяют использовать для общения невербальные знаковые системы – человек как бы возвращается к тем средствам общения, с которых началось его развитие. Это не случайно: потребность в общении на невербальном уровне предопределена самой природой человека, особенностями его сознания. В работе [Мальковская 2004] отмечается, что в условиях “информационного общества” формы кодирования/ декодирования информации, передаваемой по техническим каналам связи, становятся все более образными, графическими, абстрактными, пластичными. Похоже, что современный человек начинает говорить о мире, используя древнейшие способы кодирования информации, подобные наскальным рисункам, пластическим танцам, графическим символам. Коммуникационная среда позволяет сегодня в техническом плане реализовать и многообразные формы воздействия на собеседника, не сводящиеся только лишь к естественному языку общения. Медиалингвистический фон современного общения создает многозвучие и многоголосье, полифонию и политональность коммуникативного дискурса. Существенными здесь являются следую-

щие соображения, непосредственно касающиеся темы непрямой коммуникации: “В основе культуры информационного общества лежит принципиальная возможность *одновременного выбора* (курсив мой – М.Ф.) нескольких вариантов кодирования, передачи, восприятия и творческой переработки информации”. [Мальковская 2004, с. 40]

В работе далее подчеркивается, что речь идет о проблеме декодирования и узнавания посылаемых образов, имеющих медиалингвистическую природу, и распознавания на уровне не столько логическом, сколько эмоционально-интуитивном. В пространстве коммуникации все активнее заявляет о себе то, что автор называет собственно семантической составляющей, т.е. “языки” коммуникации, ее символика, полихромные эффекты, расширяющие, таким образом, диапазон эпистемологических фильтров, опосредствующих коммуникацию, более того, способных циркулировать без конкретного “адресата”.

Этот акцент на ключевом моменте – принципиальной возможности одновременного выбора нескольких вариантов кодирования, передачи, восприятия и переработки информации – по-видимому, совпадает с одним из тех факторов, которые дают основание лингвистам говорить о первичности непрямой коммуникации [Дементьев 2000]. С точки зрения когнитивно-психологической можно опять-таки говорить о различных каналах восприятия коммуникации – визуальном, слуховом, образном, символическом, фигуральном, метафорическом, аллегорическом (т.е. о разных вариантах восприятия по различным семиотическим каналам), если иметь в виду собственно способности человека к восприятию окружающей среды, и банально-бытовом, научно-интеллектуальном, художественно-эстетическом, стилистическом, если говорить о возможных подходах к интерпретации получаемой информации.

И в самом деле, яркий пример непрямой коммуникации могут представлять из себя ситуации, в которых отсутствует согласованность между различными системами передачи смысла, используемыми коммуникантами: скажем, между жестиком или языком знаков, с одной стороны, и собственно словесным наполнением высказывания, с другой. На этом основаны многие комические ситуации в кинематографе, например, ситуация, в которой общаются три персонажа, из которых двое – они братья – знают язык глухонемых, а третья – девушка, в которую влюблен тот из них, который владеет и обычной человеческой речью, т.е. не является глухонемым – языком глухонемых не владеет (комедия “Четыре свадьбы и одни похороны”). Глухонемой, уверенный в том, что мало кто знает язык глухонемых, позволяет себе, если можно так выразиться, “называть вещи своими именами”, однако некоторые знаки этого языка выглядят довольно откровенно (да и использует он их для упоминания некоторых интимных моментов отношений между двумя

своими собеседниками), так что его брату, которому приходится переводить его “высказывания” в обычную словесную форму, чтобы сделать их понятными для присутствующей девушки, приходится весьма сильно изошряться, по ходу дела “сочиняя” им пристойную, но не всегда правдивую интерпретацию, чтобы не оскорбить чувства собеседницы.

Довольно забавна в этом смысле старинная шутка, в которой один из общающихся строго спрашивает другого: “Сколько вас?” “Один”, — робко отвечает “допрашиваемый”, при этом уверенно показывая два пальца — характерный русский жест, означающий “два”. “Где второй?” — так же строго продолжает спрашивающий. “Не знаю”, — испуганным тоном отвечает тот, кого спрашивают, при этом уверенно и недвусмысленно показывая указательным пальцем в том направлении, в котором, как можно предположить, убежал его товарищ. Трудно сказать, какой смысл в данной ситуации следует считать прямым, а какой косвенным: и слова, и жесты говорящего однозначны и недвусмысленны, однако смысловые отношения между ними, как может показаться на первый взгляд, никак не согласованы. На самом деле они очень тонко оттеняют друг друга, а взаимоотношения между ними создают новые смыслы (скажем, некоторое представление о человеке, который способен таким образом одновременно “подавать” совершенно разные, полностью противоречащие один другому типы информации, т.е., выражаясь обыденным языком, так умело и изошренно лгать). При этом кажется более правдоподобным, что носители языка все-таки сочтут информацию, передаваемую жестами, как косвенную, т.е. как непрямую коммуникацию.

Такого же рода рассогласованность (отсутствие конгруэнтности) может существовать и между собственно языковыми аспектами коммуникативного акта: между интонацией и тембром высказывания, с одной стороны, и его лексическим составом, с другой. В качестве примера могу привести ситуацию, которой сама была свидетелем. Разговор происходил по телефону, поэтому наблюдать невербальные компоненты ситуации у одного из собеседников было невозможно, но зато можно было сосредоточиться на собственно звуковой стороне высказывания. При прослушивании разговора бросался в глаза контраст между интонацией удивления (для говорящей, которая хорошо знала контекст экзаменов, по-видимому, было неожиданным то, что она услышала, поскольку она ожидала от своего собеседника скорее провала, чем успеха) и лексико-грамматическим содержанием реплики, в которой выражалось поздравление:

— Ну, как твои дела?

— Да вот, сдал экзамены (далее шел перечень экзаменов и довольно высоких оценок за них).

— О! (с интонацией удивления) Ну я за тебя так искренне рада! (также с интонацией удивления)

Один из важнейших компонентов высказывания, благодаря которому в данном случае создается впечатление неискренности говорящей — это как раз контраст между интонационным оформлением, которое сигнализирует непроизвольное удивление говорящей, и фразой “искренне рада”, которая, строго говоря, должна была бы быть произнесена с радостной интонацией.

Можно представить себе множество сочетаний такого рода из несогласующихся между собой, или не вполне соответствующих одна другой, или противоречащих одна другой по своей стандартной семантике единиц разных языковых уровней. Одной из довольно обычных ситуаций, изображаемых в кинематографе, например, является такая, в которой герой и героиня говорят о самых обыденных вещах, но таким голосом, с таким тембром и с такими интонациями, что читателю становится совершенно очевидно, что они влюблены друг в друга, но пока что боятся или находят по каким-то причинам невозможным в этом признаться (т.е. то, что психологи называют “сенсорной очевидностью”). Так же легко можно представить себе ситуацию, когда “ласковый” текст произносится с угрожающими интонациями. Некоторые сочетания такого рода стали конвенционализированы в языке: это, например, употребление бранных выражений (подлец, негодяй, сволочь, урод и т.п.) в ласковом смысле при фамильярных отношениях между собеседниками и другие явления подобного рода.

Понятно, что важным фактором здесь является то, что очень многие вещи в жизни человеческого сообщества либо самоорганизуются в семиотические системы, либо могут трактоваться как таковые. Широко известным примером является система цветообозначений и тот культурно специфический смысл, те импликации, которые несут в себе определенные цвета для представителей того или иного народа (например, белый цвет для китайцев и для русских). Точно так же можно рассматривать культурно специфический смысл различных растений, цветов, типов костюма (неслучайно в деловом мире, например, существует понятие *dress code* — то есть правил, согласно которым одеваются для работы сотрудники данной фирмы, компании и т.п. Как иллюстрацию можно взять некоторые фразы, объясняющие необходимость единого кодекса одежды для данной компании или фирмы: ‘...*dressing for success today means paying attention to your corporate culture*’; ‘...*we request that some types of clothing not be sported in the office*’; ‘...*projecting the appropriate image of a professional.*’).

Однако оказывается, что даже в тех ситуациях, когда мы ограничиваемся рассмотрением всего лишь одного языкового уровня (например,

синтаксиса), мы можем столкнуться со значительным количеством возможных интерпретаций “одной и той же” языковой единицы. С приходом компьютерных методов обработки языковых материалов и активизацией разработок в области искусственного интеллекта, машинного перевода и т.п. увеличилась тенденция к “эксплицированию” возможных скрытых смыслов и подтекстов. Строго говоря, для того, чтобы “понять” текст или предложение, компьютер должен иметь детальное исчерпывающее описание всех его возможных интерпретаций, что, как выяснилось, представляет колоссальную трудность. На взгляд среднего здравомыслящего носителя языка иногда может показаться, что компьютерщики чересчур тщательно подходят к выявлению всех теоретически возможных синтаксических конструкций, которые могут быть приданы (приписаны) одному и тому же предложению, либо всех теоретически возможных значений одной и той же грамматической структуры, причем значений, которые, как правило, в голову среднему носителю языка просто не приходят.

Так, в компьютерной программе, разработанной в Гарварде в 1960-х годах для синтаксического анализа предложений, есть знаменитый пример: *Time flies like an arrow*. На первый взгляд, это предложение кажется вполне недвусмысленным, если не обращать внимание на разницу между буквальными и метафорическими, т.е. фигуральными значениями слов, что не имеет к синтаксису никакого отношения. Однако, по словам Стивена Пинкера, автора книги “Язык как инстинкт” [Пинкер 2004: 199]), который описывает этот эпизод, вездливый компьютер (скорее всего, все-таки работающие на нем программисты) обнаружил, что данное предложение может быть манифестацией пяти разнообразных синтаксических конструкций (то есть иметь пять различных синтаксических “деревьев”):

1. “Время летит как стрела” (изначально подразумеваемое значение, при котором слово “время” – это подлежащее, выраженное существительным, “летит” – сказуемое, выраженное глаголом, и т.д.);
2. “Отмечайте по времени (т.е. хронометрируйте) скорость мух таким же образом, как вы измеряете скорость стрелы” (предложение в повелительном наклонении, в котором *time* – это глагол в императиве, *flies* – прямое дополнение, выраженное существительным “муха” во множественном числе);
3. “Измеряйте скорость мух таким же образом, как стрела измеряет скорость мух” (это опять-таки предложение в повелительном наклонении, но слово ‘like’ относится здесь к подобию между тем, каким образом человек может хронометрировать полет мух, и тем, как это может сделать стрела; в предыдущем же предложении уподобление

- производилось между объектами хронометрирования – мухами и стрелой);
4. “Измеряйте скорость тех мух, которые похожи на стрелу” (это снова предложение в повелительном наклонении, но в нем акцентируется форма мух – предлагается хронометрировать полет только тех мух, форма которых напоминает стрелу – мух, похожих на стрелу);
 5. “Мухам определенного типа, ‘мухам времени’, нравится стрела” (в данном предложении подлежащим является нестойкое сложное существительное *time flies*, а слово *like* является глаголом в функции сказуемого; среди кибернетиков-компьютерщиков это открытие было обобщено в высказывании ‘*Time flies like an arrow; fruit flies like a banana*’ – “Мухам времени нравится стрела, а фруктовым мухам нравится банан”).

Если учесть, что в данном случае речь идет только о возможных интерпретациях синтаксической конструкции, которая является всего лишь одним из компонентов, участвующих в создании смысла высказывания (кроме этого, свою роль играют лексическое наполнение, интонационное оформление и контекстуальные связи высказывания), то можно представить себе, какое множество возможных истолкований может возникнуть на основе только лишь одной синтаксической конструкции.

Однако, представляя себе такие истолкования, нам следует учитывать не только стандартные, закономерные, имманентно присущие данной синтаксической конструкции интерпретации, принятые способы прочтения определенных языковых знаков, но и нестандартные, оригинальные прочтения, которые также возможны (например, когда игнорируются знаки препинания и подразумевается иная синтаксическая конструкция, чем та, которая обозначена в произведении). Так, например, если мы станем рассматривать чтение художественных произведений выдающимися актерами – мастерами художественного слова, то обнаружим, что они зачастую игнорируют авторские знаки препинания и создают свою, оригинальную интерпретацию. Так, например, начальные строки “Графа Нулина” звучат совершенно по-разному в исполнении А. Кторова и С. Юрского:

//Пора́, / пора́! / Рога́ / трубя́т; // (А. Кторов)

//Пора, пора́! Рога трубят; // (С. Юрский)

[Брызгунова 1984: 78]

Как видим, интерпретация А. Кторова следует авторскому синтаксическому членению, обозначенному при помощи знаков препинания; интерпретация же С. Юрского, если воспринимать ее исключительно на слух, создает несколько превратное представление о пунктуационной

аранжировке. Создается впечатление, что она была следующей: “ ‘Пора, пора!’ – рога трубят”, т.е. “Рога трубят, что пора”.

Можно также говорить про общие трудности восприятия художественной литературы изучающими английский язык. Сюда, в частности, относятся ситуации прямо противоположных интерпретаций общего контекста определенных отрывков. Так, студенты пятого курса филологического факультета (правда, специализирующиеся по кафедре прикладной лингвистики и поэтому мало знакомые с литературоведением) выбрали себе в качестве домашнего чтения рассказы современной английской писательницы Мюриэл Спарк, известного мастера иронии и сарказма. Посмотрев фильм ‘The Prime of Miss Jean Brodie’¹ (справедливости ради следует отметить, что 1) повесть, на которой основана эта экранизация, они не читали; 2) фильм поставлен не по повести Мюриэл Спарк, а по сценической версии, созданной Джей Прессон Аллен), в полном недоумении спросили своего преподавателя: “Разве главная героиня отрицательный персонаж? После того как посмотрели кино, мы прочитали рецензию на повесть и из нее узнали, что Джин Броди женщина лицемерная, неискренняя, лживая, жестокая и т.п. А почему мы сами этого не почувствовали?” В такой ситуации, естественно, встает вопрос: как научить студентов видеть тонкости, скажем, авторского отношения к герою или ситуации, как научить их понимать иронию и сарказм, которые столь часто встречаются в текстах Мюриэл Спарк?

Данный пример во многих отношениях показателен в том, что касается понимания художественной литературы и языковой специфики иностранными учащимися. Для студента-иностранца, читающего некое произведение английской литературы, очень трудно решить, является ли любое данное действие героя или героини типичным или, наоборот, экстраординарным, являются ли его поступки этичными или неэтичными с точки зрения естественного носителя языка. Например, прочитав, что героиня Моэма моет посуду и после этого чистит раковину, русские студентки решили, что это типичное действие и у английских домохозяек принято после каждого мытья посуды почистить раковину, в то время как У. С. Моэм, кажется, хотел подчеркнуть, как механически скрупулезно его героиня наводит порядок прежде чем покончить с собой.

Маргарет Дрэбл, известная современная английская писательница, в своем интервью с литературоведом Валери Гровнор Майер, исследовательницей ее творчества, приводит примеры аналогичного непонимания читателями того, что хотел сказать автор. Так, про отрывок из своего романа “Жернов” она рассказывает:

“Я помню, как читала отрывок из “Жернова” на собрании кружка любителей словесности. Это тот отрывок, где Розамунд, повествова-

тельница, описывает, как ее сестра не дает своим двум маленьким детям играть с девочкой из рабочей семьи, которая живет в конце улицы. Это довольно смешной отрывок, он хорошо подходит для чтения вслух, потому что в нем описан взятый сам по себе отдельный случай. Вся суть отрывка в том, что Розамунд в ужасе от социальных взглядов своей сестры. Предполагается, что у ее сестры социалистические взгляды, она считается социально сознательной женщиной, и она запрещает своим детям играть с этой девочкой из-за того, что она, этот отвратительный ребенок, может научить их грубым словам и грубому поведению. И я прочитала этот отрывок, и потом ко мне подошла женщина и сказала: “Я так рада, что Вы согласны со мной в том, что нельзя позволять своим детям играть абсолютно с кем попало”. Она (эта читательница) прочитала все это наоборот, она услышала все это наоборот; и, конечно же, невозможно помешать читателям делать это, и невозможно помешать читателям из других стран толковать некоторые вещи как характерные для англичан, которые я не имела в виду представить как характерные для англичан. Вы ведь не можете вставлять сноски типа “Я и в самом деле серьезно так считаю”, или другая сноска: “В этом вопросе я не согласна с повествователем своего романа”².

В этом интервью Маргарет Дрэбл также проводит аналогию между этим эпизодом и ситуацией, в которой оказался Арнольд Беннетт, когда он написал книгу о приходящей домработнице: “Это очень похоже на то, как Арнольд Беннетт написал книгу о домработнице, у которой было золотое сердце (т.е. ангельский характер). Арнольд Беннетт был очень расстроен тем, что читателям так сильно понравилась эта уборщица, в то время как он пытался показать, что ее угнетают. И он сказал: ‘Людам хочется иметь домработницу с ангельским характером, они не понимают, что я пытаюсь сказать, что ее эксплуатируют’³. Вот какие ошибки возникают в прочтении произведения”.

Эти примеры неправильного понимания соотечественниками писателя, т.е. естественными носителями языка, того смысла, который был заложен в произведение автором, показывают, что смысл произведения реализуется на многих уровнях, причем некоторые уровни иногда не совсем адекватно воспринимаются некоторыми читателями. Такого рода примеры можно также считать утешительными, когда возникают проблемы в межкультурном общении. Логика здесь следующая: уж если естественные носители языка не понимают того, что хотел сказать автор, то студент-иностранец может успокаивать себя этим аргументом, когда какие-то аспекты текста никак не поддаются интерпретации и упорно ускользают от понимания.

Очень хорошо процесс понимания компонентов речевого высказывания, процесс, в котором на разных этапах восприятия и на разных

языковых уровнях, представленных в произведении речи, могут возникать различные варианты понимания смысла частей высказывания и всего высказывания в целом – варианты, которые в дальнейшем могут служить основой для двойственного или даже множественного понимания – представлен в работе [Лурия 1998]. Автор подчеркивает, что анализ понимания речевого сообщения составляет одну из наиболее трудных и наименее разработанных глав научной психологии и психологии познавательных процессов. Отметив разногласия в подходах к этому вопросу между различными группами психологов и лингвистов, А.Р. Лурия сосредотачивается на ключевых моментах процесса восприятия речи, например, на том, что процесс понимания начинается с поисков *общей мысли* высказывания; что процесс понимания сообщения носит сложный характер и что для него необходимы различные процессы, часть которых связана с восприятием значения слов, часть – с декодированием синтаксических правил их сочетания.

Уже на самых первых этапах восприятия сообщения возникают гипотезы или предположения (*presuppositions*) о смысле сообщения, так что центральным для процесса понимания является *поиск* смысла, приводящий к *выбору* из ряда возникающих альтернатив. Основным процессом, характеризующим акт понимания, являются попытки расшифровать значение всего сообщения, того, что создает его общую связность, или его внутренний смысл, и придает сообщению глубину, или “подтекст”. Эти попытки всегда направлены на поиск *контекста* воспринимаемого высказывания (иногда речевого, “синсемантического”; иногда внеречевого, ситуационного), без которого ни понимание целого текста, ни правильная оценка входящих в его состав элементов невозможны. А.Р. Лурия подчеркивает необходимость принимать в расчет “стратегию” слушающего, связанную с пресуппозицией, и исходить из нее. Вторым условием, совершенно необходимым для понимания речевого сообщения, является знание основных, базисных семантических или глубинных синтаксических структур, которые лежат в основе каждого компонента высказывания и выражают известные эмоциональные или логические системы отношений. Это условие выступает особенно отчетливо в тех случаях, когда глубинные структуры расходятся с внешними, поверхностными.

Заметив, что еще Л.С. Выготский указывал на решающую роль процесса перехода от внешней структуры предлагаемого текста к тому “подтексту” или *смыслу*, который заключен в речевом сообщении, А.Р. Лурия указывает, что мало понять непосредственное значение сообщения. Необходимо выделить тот внутренний смысл, который стоит за этим значением. Именно это положение и определяет тот факт, что текст может быть понят или “прочтен” с различной глубиной; глубина

“прочтения” текста может отличать различных людей друг от друга в значительно большей степени, чем полнота восприятия поверхностного содержания.

Далее автор переходит к разбору логической последовательности понимания цепочки “слово – фраза – текст – подтекст”, подчеркнув, что реальные развертывающиеся во времени психологические процессы совсем необязательно следуют в таком порядке. Само понимание значения каждого отдельного слова, например, это сложный психологический процесс вследствие того, что каждое слово *омонимично*, причем факт омонимичности слов отнюдь не ограничивается случаями *открытой омонимичности*, т.е. омонимии в собственном смысле этого термина. Существует также и скрытая омонимичность, в качестве примера которой автор, например, приводит прилагательное “прохладный”, которое может быть отнесено к погоде или эмоциональному отношению, или прилагательное “острый”, которое может быть отнесено к иголке, дискуссии и т.д. Такую же омонимичность можно наблюдать и в других частях речи и даже в служебных словах.

Для полного психологического анализа процесса понимания слов как составных элементов высказывания необходимо учитывать, что существуют и *различные семантические уровни значения слов* и что человек, воспринимающий текст, должен каждый раз выбирать адекватный уровень значения слова, который сам может быть подвижным. Выбор нужного уровня значения слов также целиком определяется тем контекстом, в котором находится слово. Отсюда становится понятно, что было бы величайшей ошибкой считать, что слова имеют неизменное, всегда одинаковое значение. Наоборот, значение слова многозначно, и для его понимания необходим выбор предметной отнесенности, конкретного значения и смысла данного слова из многих альтернатив.

Так, первым условием, влияющим на адекватный выбор значения слова, является частотность данного слова в языке. Привычное значение слов может, например, служить помехой для изучающего иностранный язык; различная частотность определенных значений слова вызывает своеобразные затруднения и при понимании новых, неизвестных человеку слов; в этих случаях человек “семантизирует” слова, иначе говоря, пытается определить их смысл в соответствии со смыслом знакомых слов. Вторым и основным условием, определяющим выбор нужного значения слова, является речевой контекст. Иначе говоря, процесс понимания значения слова есть всегда *выбор значения из многих возможных*. Он осуществляется путем анализа того отношения, в которое вступает слово с общим контекстом, и преодоления неадекватного непосредственного понимания слова, связанного со звучанием слова, с частотой употребления того или иного значения и т.д.

Переходя к анализу понимания фраз, А.Р. Лурия отмечает, что понимание простых фраз, выражающих “коммуникацию события” (т.е. простых предложений с глаголом в действительном залоге, либо нераспространенных, либо имеющих минимум второстепенных членов), не представляет каких-либо затруднений для человека, владеющего языком. Это связано с тем, что поверхностная синтаксическая структура этих фраз не расходится с их глубинной синтаксической структурой, а порядок выражаемых во фразе событий соответствует порядку примененных во фразе слов. Определенные затруднения выступают при восприятии значения фраз в тех случаях, когда поверхностная синтаксическая структура расходится с ее глубинной структурой. Например, фразы “Петя дал сливу” и “Петя попросил сливу” при одинаковой поверхностной синтаксической структуре имеют различные глубинные структуры, и это иллюстрирует то, что понимание фраз, в которых глубинная синтаксическая структура не соответствует поверхностной, происходит со значительно большей трудностью, чем процесс понимания более простых фраз.

Еще большие трудности возникают при понимании многозначных фраз, таких, как “Петя пришел к Оле с Соней”, которая может быть понята двояко: либо как “Петя пришел к Оле вместе с Соней”, либо как “Петя пришел к Оле, которая жила с Соней”. Особенные трудности возникают при понимании сложных фраз, включающих в свой состав коммуникации отношений и использующих сложную систему управлений.

Дальнейшее описание анализа когнитивных процессов, представленного А.Р. Лурия в его лекциях, заняло бы слишком много места. Представляется, что тех материалов, которые здесь пересказаны, достаточно, что дать читателям представление о подробности, доскональности и добросовестности проводимого автором анализа, с тем, чтобы они могли в случае необходимости обратиться к этой публикации. Представляется также, что пересказ этой работы подтверждает основную мысль данной статьи, а именно: коммуникация – это чрезвычайно сложный процесс, включающий множество компонентов, поэтому говорить о прямой коммуникации – значит грешить упрощенческим подходом, а оппозиция прямой и непрямой коммуникации – это удобная абстракция, которая отнюдь не отражает реальной сложности самого процесса.

Примечания:

1. В переводе эта повесть Мюриэл Спарк называется “Мисс Джин Броди в расцвете лет”.
2. ‘...I remember reading a passage from *The Millstone* to a group, a literary society, and it’s the passage where Rosamund, the narrator, describes her sister stopping her two small chil-

dren playing with the little working-class girl down the street; and it's quite a funny passage to read aloud because it's a self-contained incident.

The whole point of the passage is that Rosamund is horrified by her sister's social attitudes, her sister, who is supposed to be a socialist and supposed to be a girl with a social conscience, is forbidding her children to play with this child because of the rude words and the rude behaviour that this nasty child will teach them.

And I read this passage, and a woman came up to me afterwards and said, 'I'm so glad you agree with me that you can't let your children play with just anybody'. And she had read the whole thing in reverse, she listened to it in reverse; and of course you can't stop a reader doing that, and you can't stop readers from other countries interpreting things as being characteristically British that I didn't mean to be characteristically British; and you can't put footnotes, 'I mean this seriously', or, footnote, 'I don't agree with my narrator at this point'.

3. 'It's like Arnold Bennett wrote a book about a charwoman with a heart of gold, and Arnold Bennett was very distressed by the fact that people liked the charwoman so much when he had been trying to point out that she was oppressed. And he said, 'People want a charwoman with a heart of gold, they don't realize that what I'm trying to say is that she's been exploited', and that's the kind of misreading that happens.'

Л и т е р а т у р а

1. *Агеев В.Н.* Семиотика. М., 2002.
2. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003.
3. *Бельчиков Ю.А.* Культуроведческий аспект филологических дисциплин. Филологические науки. N 4, 1998.
4. *Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
5. *Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д.* Прагматика человеческих коммуникаций. Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. М., 2000.
6. *Горелов И.Н.* Коммуникация // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
7. *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации. М., 2003.
8. *Дементьев В.В.* Фатические речевые жанры. Вопросы языкознания. № 1, 1999.
9. *Дементьев В.В.* Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
10. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2003.
11. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
12. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.
13. *Крижанская Ю.С., Третьяков В.П.* Грамматика общения. М., 1999.
14. *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003.
15. *Лаундес Л.* Как говорить с кем угодно и о чем угодно. Психология успешного общения. Технологии эффективных коммуникаций. М, 2002.
16. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М., 1998.
17. *Любимов А.Ю.* Мастерство коммуникации. М., 2002.
18. *Мальковская И.А.* Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М., 2004.
19. Очерк американского коммуникативного поведения. Воронеж, 2001.
20. *Персикова Т.Н.* Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. М., 2002.
21. *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М., 2004.
22. *Тимашева О.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., 2004.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2004. — Вып. 28. — 192 с. ISBN 5-317-01182-5

23. Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации. М., 2003.
24. Pinker S. The Language Instinct. Penguin Books, 1995.
25. Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991.